

ИСТОРИЯ

DOI: 10.48137/2311-6412_2022_2_114

УДК: 323.2

Андрей ГРОЗИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ. ЧАСТЬ 1

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты влияния исторической и околоисторической политики государств постсоветской Азии на внутривнутриполитическую жизнь в этих суверенных республиках. Влияние это является многоплановым, и тематика политики памяти как составной части идеологической политики страны со стороны официальных властей стран региона находится в сложном взаимодействии с использованием сложных вопросов новейшей истории страны различными лидерами мнений и групп населения, не входящих в структуры государственного управления. В силу стремления властей стран Центральной Азии, гражданских активистов, медиа (в первую очередь сетевых), структур НПО, историков и публицистов завуалировать политическую, конъюнктурную заинтересованность в использовании исторических тем для решения различных внутривнутриполитических задач многие аспекты процесса, который можно назвать «войнами памяти», скрыт от научного исследования. Настоящий текст также является попыткой рассмотреть степень влия-

ГРОЗИН Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 141410, Московская обл., г. Химки, пр. Мельникова, д. 2/1. *E-mail*: andgrozin@yandex.ru. *SPIN-код*: 5621-8571.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, история, историческая политика, национал-патриоты.

ния исторической политики на формирование в республиках региона ЦА новых идеологических основ существования политических систем.

Настоящая статья посвящена рассмотрению темы влияния исторической и околоисторической политики государств постсоветской Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) на внутривосточную жизнь в этих суверенных республиках.

С точки зрения влияния на политическую жизнь в странах Центральной Азии (ЦА) оценок национальных историй значительное влияние оказывают отнюдь не научные работы, а разнообразная историческая публицистика и быстрорастущий массив материалов в медиасфере (особенно в сетевом пространстве). Повсеместно при этом наблюдается значительная эмоциональность публицистических материалов, в которых часто отсутствует различимая грань между политической и научной публицистикой, а история рассматривается авторами не как академическая научная дисциплина, а как прикладной инструмент политического воздействия на социум. Историческая публицистика в постсоветских азиатских республиках (за исключением Туркменистана с его исключительными условиями идеологического строительства и развития национальной науки) многократно превосходит научные ис-

следования и степень своего влияния на массовое сознание и, как следствие, на внутривосточную ситуацию в странах ЦА.

Исходя из указанного положения и элиты, и группы, им оппонирующие, учитывают чувствительность общественного сознания к вопросам изучения и трактовки исторической проблематики. Являясь составной частью политики памяти¹, историческая тематика за годы независимости центральноазиатских республик прошла ряд этапов и находится в фокусе внимания как официальных властей, так и всех значимых политических акторов общественно-политических процессов в республиках ЦА.

После распада СССР и краха коммунистической идеологии во всех центральноазиатских республиках началась поддержка и трансляция с помощью государственных ресурсов новых вариантов исторического знания, целенаправленно продвигаемых властями как отвечающих новому времени политических трансформаций с переходом от социализма к капитализму и новым общественным запросам.

Историческая публицистика и историческая наука являются при этом одними из практик, с опорой на которые политика памяти пред-

¹ Под политикой памяти (исторической политикой) нами понимается широкий комплекс целенаправленных и систематических усилий государственных институтов и негосударственных структур по воздействию, контролю и регулированию понимания обществом его исторического прошлого.

ставляет социуму различные образы прошлого. Конкретные исторические события при этом играют инструментальную роль исходной базы для реализации тех или иных проектов в идеологической сфере центральноазиатских республик.

Характерной особенностью тематики влияния политики памяти на социально-политическую ситуацию в странах региона является глубокая вовлечённость в данный процесс так называемых национал-патриотов. К национал-патриотам (их оппоненты в Казахстане также используют термины «нацпаты» и «национал-популисты») в республиках Центральной Азии причисляют лидеров общественного мнения и группы людей, выступающих за сохранение национальной идентичности своего народа, но делающих это преимущественно в агрессивных формах, ставя под сомнение и прямо ущемляя права других этнических групп своих стран. Особая роль национал-патриотизма как течения общественной мысли и, шире, направления настроений социумов государств Центральной Азии, влияющих на изменение интерпретаций различных исторических периодов, событий, фигур и т. д., подтверждается и тем, что он в разной мере, но во всех пяти республиках стал составной частью государственной идеологии. Политики, историки, общественные активисты и прочие лидеры общественного мнения ЦА «восстанавливают историческую справедливость», призванную мобилизовать нацию на строитель-

ство собственного национального государства в том виде, в каком оно им представляется идеальным.

Историческая наука не просто остаётся совокупностью фактов и событий, но и представляет собой противоречивый процесс развития государства и общества. Сложность и неоднозначность предмета создаёт почву для множественности идейно-политических трактовок и намеренных манипуляций для решения текущих политических задач. История остаётся важным инструментом государственной власти, поскольку её официальная версия служит основой для консолидации и мобилизации общества для сохранения и упрочения существующей политической системы. Данный процесс направлен как внутрь (создание базы массовой поддержки власти), так и вовне (различные модели влияния на соседей).

Поэтому и для официальной власти, и для национал-патриотов Центральной Азии историческая политика (включая широко распространённую в регионе борьбу за «престижных» предков – арийцев, гуннов Аттилы или Золотую Орду) является особо значимой. Профессиональные историки могут и должны создавать разные интерпретации исторических фактов, но при этом настоящий профессионал борется за точность и критическую выверенность установленных в сообществе учёных фактов. Лишь на основании такого подхода можно оценивать разные интерпретации имеющихся исторических фактов. Для оторван-

ного же от науки и системного исторического знания идеолога и пропагандиста главным является работа с массовым сознанием и продуцирование умонастроений под определённый внешний проект [1].

От того, как будет развиваться национал-патриотическое направление и каким образом государственные структуры ЦА будут взаимодействовать с растущим национализмом в своих странах, зависят перспективы общественно-политического развития всего региона. Как справедливо отмечал таджикский историк Хафиз Бобоев, «в течение последних трёх десятилетий изолированный и этноцентристский поиск идентичности и исторической действительности в странах ЦА перешёл все грани абсурда. Каждая страна желает доказать, что именно она имеет исключи-

тельное право на историческую память и культурное достояние на своей территории. Теперь все это воплощено не только в культурной среде, но ещё и закреплено в политическом строе стран ЦА, а также в социально-экономических отношениях центральноазиатских обществ. Учебники средних и высших образовательных учреждений написаны на основе ненаучного подхода к исторической действительности. Продолжается деструктивное отношение к материальному и духовному достоянию прошлого, которое в том числе упоминает и о неизбежности мирного сосуществования народов и государств региона. Всё это ведёт к недоверию между этническими и религиозными группами, а также к ущемлению их человеческих и гражданских прав» [2].

Историческая политика Казахстана и националисты

Республика Казахстан (РК) остаётся безусловным региональным лидером в области:

1) освещения в СМИ республики как самой темы национализма и национал-патриотизма, так и различной исторической и околоисторической публицистики, превосходя в этом плане все остальные республики региона вместе взятые;

2) уровнем общественного интереса к широкому кругу вопросов, связанных с «национальным вопросом» и политикой памяти;

3) степени практической вовлеченности разнообразных нацио-

нал-патриотов во внутреннюю политику государства.

До настоящего времени казахским националистам не удалось стать организованной и легитимной политической силой в республике, и к реальным рычагам государственного управления они начали «просачиваться» в индивидуальном порядке лишь в последние два-три года. Тем не менее их риторика постоянно присутствует в общественном дискурсе и пользуется поддержкой определённой доли населения. Некоторые казахстанские эксперты считают, что

эта поддержка растёт из года в год. При этом в идеологии этого направления общественных настроений и мыслей собственно патриотические убеждения чаще всего находятся на втором плане. В среде нацпатов преобладают идеи, пропагандирующие этническое, историческое и иное превосходство казахов в Казахстане при нетерпимости к России, русскому народу, русской культуре. Русофобия, а с конца 90-х гг. XX в. – и синофобия остаются идейным стержнем казаховских национал-патриотов.

Национал-патриоты в Казахстане значительной частью экспертов оцениваются в качестве одного из неформальных, но интегрированных в политическую систему страны элементов. Учитывая это мнение, хотелось бы указать на то, что по мере развития и внутренних трансформаций политического режима страны место и роль в нём различных групп этноцентристского характера постоянно менялись. Если на начальных этапах казахстанской суверенной государственности националисты были весьма слабы, управляемы и совершенно зависимы от политической власти, играли по тем правилам, которые спускались им кураторами «сверху», то по мере приближения страны к периоду транзита высшей власти различные группы казахстанской элиты всё активнее начали формировать и поддерживать «свои» группы нацпатов. Националисты (и их влияние на значительную часть общества) постепенно превратились в один из ресурсов внутриэлитной борь-

бы. Стали они и значимым явлением социального характера. Каждый из более-менее известных нацпатов имеет свою аудиторию в соцсетях.

На тему взаимоотношений власти и национал-патриотов Казахстана повлиял стартовавший весной 2019 г. процесс транзита высшей власти в стране. К январю 2022 г. (попытка мятежа, окончившаяся переходом второго президента к полноценному и неограниченному руководству РК) в стране перестроилась система лиц, персонально курировавших казахстанскую идеологию в течение как минимум последнего десятилетия.

Казахстанский аналитик С. Султангалиев в интервью информгентству «Фергана» не только соглашается с тем, что игра между властью и нацпатами сложилась уже давно, но и выражает прямое беспокойство: смогут ли национал-популисты, причисляющие себя к творческой интеллигенции, остаться авторитетом для более радикальных националистов, когда те захотят взять власть в свои руки? «Ни для кого не секрет, что часть национал-патриотов негласно поддерживаются властями, которые используют казахских националистов для решения узких тактических задач, как правило в период парламентских и президентских выборов, – отмечал Султангалиев. – Однако подобного рода сотрудничество является, на мой взгляд, заигрыванием с джином в бутылке. И если в Акорде (резиденция президента РК. – Прим. авт.) полагают, что можно удержать под своим кон-

тролем национал-патриотов, то это глубокое заблуждение. Конечно, аффилированных с властями записных звёзд казахского национализма контролировать легко, но смогут ли последние обуздать националистическую стихию, если она начнёт бушевать по-настоящему? Это представляется весьма сомнительным» [3].

Различные аспекты национальной истории изначально всегда были и остаются одним из ключевых идейных направлений и умеренных, и радикальных этноориентированных сил в Казахстане. Лидеры мнений и граждане, придерживающиеся национал-патриотических взглядов на протяжении всех лет суверенного существования РК, всегда оставались активнейшими участниками всех «войн памяти», их оценки и мнения влияли на остальное общество, находящееся в процессе адаптации к новой социально-политической реальности. В силу этого имелось и имеется их влияние и на власть, занятую многолетним строительством некоей новой идеологии.

История остаётся одним из особо значимых средств «мобилизации чувства коллективной идентичности, которое способно в равной степени выступать орудием как интеграции и созидания, так и раскола общества (особенно полиэтнического казахстанского)» [4].

Как представляется с точки зрения влияния на политическую жизнь в стране оценок исторических событий в Казахстане, значительное влияние оказывают не на-

учные работы, а разнообразная историческая публицистика и материалы в различных медиа. Поэтому роль журналистов, литераторов, блогеров и общественных активистов в данном процессе изначально была велика. Историко-публицистический массив текстов (особенно по новейшей истории Казахстана) значительно превосходит по масштабам академические исторические работы. Публицистика на окологисторические темы многократно превосходит научные исследования и степень влияния на массовое сознание.

Основными темами казахстанской истории с периода перестройки и «стирания белых пятен истории» и до настоящего времени стали: проблема присоединения Казахстана к России, национально-освободительная борьба казахов в первой половине XIX в., восстание 1916 г., деятельность представителей национальной интеллигенции в начале XX в., партия «Алаш» и правительство «Алаш-Орды», коллективизация в Казахстане, трагедия коллективизации 1932–1933 гг., «большой террор» 30-х гг. XX в., Казахстан и Великая Отечественная война, освоение целины.

При этом первые годы независимости в РК характеризовались несистемным, эпизодическим контролем со стороны политической власти республики за всеми вышеуказанными процессами.

С конца 90-х гг. XX в. начался другой этап выстраивания новой политики памяти, который условно можно назвать «выборочно-бюро-

кратическим». Это время отличалось тем, что постепенно укоренилась практика, при которой и в исторических исследованиях, и в исторической публицистике обязательным становится получение соответствующих разрешений (формального или неформального характера) от уполномоченных государственных структур. Постепенно сокрлатилась та «вольница», которая наблюдалась в исторических и оолоисторических работах начального периода существования суверенного Казахстана.

Казахстанские власти при этом исходили из представления о том, что историческая наука и историческая политика должны объединять общество и этим укреплять молодую государственность. По мнению казахстанского «историка и активиста» [5] прозападно-либеральных взглядов Марата Сембинова, руководство РК «традиционно продолжает влиять на развитие исторической науки в Казахстане, считая её одной из главных составляющих идеологического воздействия на население» [6].

Отличительной особенностью любых казахстанских дискуссий на исторические темы был некий художественно-публицистический характер большого числа текстов о казахстанской истории. Литературный характер исследования тем трагедии коллективизации или репрессий предвоенного времени доминировал в Казахстане все годы суверенного существования. Это, как представляется, объясняется не только отсутствием глубокого и

системного взгляда на историю как науку у многих борцов за «патристическую историю», но и ментальными особенностями казахского этноса и значительной части его интеллектуальной элиты. Такими особенностями являются пристрастие к определённой «поэтизации», «олитературиванию» любых исследуемых тем и вопросов, желание оправдать мнимые или реальные исторические поражения и неудачи непреодолимым стечением обстоятельств или враждебными происками внешних сил, а также доминирование в казахском обществе в целом почтительного отношения к людям умственного труда. За гуманитарной интеллигенцией в Казахстане закрепился широко используемый в казахском обществе термин «зиялы қауым» (дословно – «интеллигентное общество», «учёная среда»).

Казахская интеллигенция (особенно гуманитарная), самопровозгласив себя «голосом нации», превратилась в отдельную социальную группу «профессиональных патриотов». Исходя из данного положения вещей, а также суровой взаимной борьбы за место главных выразителей интересов казахов им приходится транслировать всё более радикалистские и эмоционально напряжённые тезисы. Как отмечал директор «Радио Азаттык» («Радио Свобода») Едиге Магауин, «казахские интеллектуалы утверждают, что казахи пострадали во время голода (трагедия коллективизации в Казахской АССР. – Прим. авт.) намного больше других этни-

ческих групп Казахстана, что в других центральноазиатских республиках трагедии в таких опустошающих размерах не было. Казахские интеллектуалы настаивают, что Голод только лишь провалом советской политики коллективизации не объяснить. Многие из них воспринимают Голод как акт геноцида» [7]. Применительно к другим аспектам истории Казахстана демонстрируется тот же ультрарадикалистский подход.

Ультрапатриотическая риторика в сочетании с резким эмоциональным накалом, которой «национал-историки» сопровождают свои суждения, часто имеет под собой утилитарные соображения. Манипулируя ценностями традиционалистской казахской ментальности, нацпаты получают лёгкий и легитимный способ реализации практических интересов. Как отмечал историк Ж. Абылхожин, «посредством данной апелляции можно обеспечить такой «прорыв» к ресурсам, который не потребует от их вождельных соискателей каких-то высоких профессиональных или морально-нравственных качеств» [8, С. 289].

При этом казахские писатели в течение всех лет независимости республики оставались наиболее активной частью зиялы қауым, требующей неких политических оценок прошлого в духе и стилистике украинского подхода к теме голода 30-х гг. XX в.

Со второй половины первого десятилетия нового века казахстанские власти ещё активнее осущест-

вляли руководство всем комплексом исторической политики (через активизацию ряда государственных программ, наиболее масштабной из которых стала программа «Рухани жангыру» («Модернизация общественного сознания») [9], включающая разнообразные направления – от перевода казахского языка на латинскую графику до проектов «Сакральная география Казахстана» или «100 новых учебников на казахском языке») и последней крупной работой Н. Назарбаева на посту президента «Семь граней Великой степи», посвящённой исторической политике (опубликована 21 ноября 2018 г.) [10].

«Семь граней Великой степи» претендовала на статус этапной статьи, знаменующей новый этап в развитии государственной идеологии. Данный текст, фактически подводящий черту под современным этапом казахстанской политики памяти, появился неожиданно, без анонсов. Текст настолько переполнен «казахами» и «казахскостью», что спустя несколько дней, во время Гражданского форума, Назарбаев был вынужден отдельно внести ясность: «...все жители Казахстана – не только казахи – имеют свою историю. По Великой степи какие только народы не проходили. Они оставили свою культуру, своё понимание, знания, менталитет. Мы это всё впитали, поэтому казахский народ толерантен и ко всем относится равно» [11].

Структурно статья состоит из двух частей: «Пространство и время национальной истории» и «Мо-

дернизация исторического сознания». Во введении Назарбаев предсказуемо обосновал мысль, что история любого народа часто бывает старше, чем его формальная государственность, она берёт начало задолго до юридического оформления государства и, следовательно, народ следует рассматривать на всём протяжении его развития в потоке истории.

Актуализация темы формирования политики памяти в Казахстане последних лет стала закономерным итогом понимания руководством республики того, что в меняющихся внутри- и внешнеполитических условиях историческая политика должна находиться под плотным контролем. В противном случае возрастают риски превращения исторического сознания общества в зону полного господства национал-патриотических групп разной степени радикальности. Оценивая эту угрозу существующей политической и идеологической системам РК, власти страны стремятся к «централизации» исторической политики для недопущения формирования в перспективе оппозиционных себе общественных настроений и народных лидеров.

При этом все годы независимости руководство страны без особого желания касалось наиболее болезненных тем – трагедии коллективизации и репрессий 1930-х гг. в советском Казахстане. Объясняется это, по нашему мнению, не мифической «боязнью Москвы», а пониманием того, что активное озвучивание тематики наиболее болез-

ненных событий недавнего советского прошлого по украинскому сценарию может создать множество внутривнутриполитических рисков: раскол общества и правящего класса, рост социально-политического напряжения, вопросы исторической ответственности (большая часть казахстанской элиты связана кровнородственными связями с элитой советской), всплеск эмиграции из республики неказахского населения и т. д. Темы «казахского голодомора» (по-казахски – ашаршылык) и предвоенных репрессий остаются потенциально взрывоопасными, подрывающими внутривнутриполитическую стабильность.

Последние попытки национал-патриотов активизировать в общественном сознании болезненные исторические темы, накануне начавшегося весной 2019 г. транзита высшей власти в РК, во многом объяснялись именно ожиданием скорого начала серьёзных внутривнутриполитических перемен. Писатель Дмитрий Верхотуров кратко описал внутренние причины, побуждающие лидеров нацпатов снова и снова пытаться повлиять на процесс выстраивания казахстанской исторической политики, так: «Если речь идёт о людях вроде Азимбая Гали или Айдоса Сарыма, то больше всего жжёт их душу тот непреложный исторический факт, что современный Казахстан – как государство и в современных границах – создал Сталин... Сталин стоит у истоков современной казахстанской государственности, и национал-патриотам это очень не

по нраву... Для этого им как раз и нужен голод – главное средство для такого «исправления истории». Почему и зачем? Насколько я понимаю, им охота в Европу и они собираются дать Казахстану «европейский вектор»... Для этого им нужно, желательнее одним ударом, решить две задачи. Во-первых, отбросить сталинское наследие. Во-вторых, выставить себя жертвами сталинской политики, чтобы не отличаться от Польши или Чехии» [12].

Одновременно в Казахстане сохраняется внутриэлитный запрос на периодическое контролируемое возбуждение эмоций населения вокруг различных фактов казахстанской истории. Властная элита пытается сохранить себя в условиях значительных хронических социально-экономических проблем страны и неспособности их решить с помощью реальной, а не декларируемой модернизации. Достигается это в том числе и за счёт более активного использования этноцентристской и антироссийской риторики, стимулируя патриотические и изоляционистские настроения нацпатов и их опорных социальных групп. Как отмечают некоторые казахстанские эксперты, «те или иные телодвижения на партийном и политическом поле страны, тем более такие громкие проекты, как создание новой политической силы, не могут происходить без влияния определённых элитных группировок. Наблюдаемые тенденции есть отражение настроений антироссийского характера в некоторых группировках во властной элите» [13].

Стартовавший в 2019 г. процесс транзита власти актуализировал и тему советского периода в истории республики. Ещё осенью 2018 г. доцент Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ) П. Дятленко отмечал, что «у последовательной раскрутки темы есть конкретные политические цели. Во-первых, в Казахстане идёт политический транзит, что влияет на действия разных групп политической элиты. Среди них есть и сторонники однозначной ориентации на Запад, и сторонники националистического или религиозного пути развития Казахстана. Представители названных групп не заинтересованы в сохранении стратегических отношений с Россией» [14].

Как указывал историк Данияр Ашимбаев, «с каждым годом всё большее значение имеет демографический аспект: число казахов растёт, растёт запрос на «казахскость» или «казахизацию» истории. Прежние методики, основанные на советской модели, во многом утратили силу, и власть вынуждена реагировать. Включение национального, националистического, национал-популистского трендов в структуру государственной идеологии, периодически практикуемое Астаной, в какой-то степени снижает возможные риски разжигания межэтнических конфликтов и не даёт этим настроениям кристаллизоваться, что называется, на улице. Хотя при этом нельзя исключать чисто бюджетно-аппаратных манёвров и политической

игры части госаппарата, который формирует повестку дня под возможные сценарии транзита власти» [15].

Далее известный казахстанский эксперт указал на сложные перспективы дальнейшего влияния исторической политики страны на внутривнутриполитическую стабильность и внешнеполитические отношения: «Сейчас, поскольку историческая тема имеет идеологический оттенок, она прямо привязана и к современному менталитету, и к межнациональным отношениям. Можно сколько угодно делать Российскую империю или Советский Союз виновными в тех или иных бедах казахов, но это так или иначе будет иметь плохие последствия в отношениях казахов к славянам... Ещё в советское время историки писали в закрытых документах, что не надо скрывать неоспоримые факты, что это может ещё серьёзно аукнуться, тем более что та же «буржуазная пропаганда» в лице западной советологии и востоковедения активно «прокачивала» темы «колонизации», «геноцида», «ущемления интересов коренного населения», выпячивая весь возможный негатив. В какой-то степени нынешние национальные истории – это прямое следствие именно внешних оценок и пропаганды» [15].

Очевидно, что второму президенту Казахстана не нужна общественная радикализация групп населения по поводу той или иной трактовки исторических событий. Казахская власть (особенно после попытки мятежа в январе

2022 г., когда казахстанская государственность наглядно продемонстрировала свою уязвимость и неэффективность) демонстрирует стремление уйти от обсуждения потенциально конфликтных исторических тем, обращая большее внимание граждан на более нейтральные сюжеты, объединяющие, а не раскалывающие общество.

К таким темам относится рост интереса к теме Золотой Орды, фигуре самого известного казахского просветителя, писателя и философа Абая Кунанбаева, историческому наследию древнего города Туркестан и т. п.

Власти очевидно начинают понимать опасность превращения исторической политики в инструмент геополитического противостояния различных мировых центров и элемент внутриэлитной борьбы. В то же время для лидеров национал-патриотов «перефокусировка» подходов к национальной истории является неприемлемой. Во-первых, существует внутренний и внешний запрос на контент антироссийского и антикитайского плана. Во-вторых, стабильный внутривнутриполитический процесс, подкрепляемый общественным спонсорством, не позволяет реализовать различные личные стратегии: социальные лифты не откроются, как это, например, имело место на Украине в 2014–2015 гг. Поэтому наблюдаемая в течение 2020–2022 гг. пауза в подогревании общественного интереса к сложным темам истории страны может неожиданно и одно-

моментно завершиться в случае каких-либо серьёзных внутриво-

литических конфликтов и межэлитных противоречий.

Киргизия: особенности национального исторического сознания и попытки строительства общенациональной идеологии

В Киргизской Республике (КР) тематика, обобщённо называемая национал-патриотической, занимает заметное место как в текущей социально-политической жизни страны, так и в комментариях и оценках многочисленных СМИ. При этом имеется ряд особенностей, свойственных именно Киргизии.

Все внутриволиитические процессы в Киргизии имеют в значительной мере клановый характер. Абсолютная и бесспорная лояльность к «своему» племени и роду присуща киргизам на протяжении долгих столетий. Племя (уруу) и род (урук) всегда были главным объединительным началом в киргизской истории. Киргизские племена были самодостаточными образованиями и не спешили объединяться, поскольку каждое из них было в состоянии самостоятельно обеспечивать свои базовые потребности. Единственным мотивом к интеграции была внешняя угроза, но за последнее тысячелетие даже она не смогла объединить киргизов в единое государство.

Кроме высокого уровня влияния родоплеменного фактора на формирование национал-патриотического дискурса в КР, как и в Казахстане, большое влияние оказали попытки выстраивания государственной иде-

логии с привлечением различных методик исторической политики.

В этом плане Бишкек с обретением независимости в 1991 г. оказался в той же ситуации, что и руководство других постсоветских республик: необходимость конструирования новой идеологической основы государства, призванной заменить идеологический вакуум, консолидировать общество на основе комплекса идеологием, призванных обеспечить легитимацию новой государственности, была наущной необходимостью. Как и в других республиках ЦА, эта идеология в Киргизии конструировалась «сверху» с опорой на сформировавшееся ещё в советский период научное сообщество и отчасти на национал-демократическое движение, ставшее заметным фактором общественной жизни Киргизии ещё в перестроечные времена. Государству и его структурам отводилась роль главного оператора внедрения новой идеологии в массы населения. Особенностью Киргизии стало то, что сильного государства (относительно устойчивого и жёсткого авторитарного режима) в республике изначально не сложилось.

И в этом случае роль сыграла ярко выраженная региональ-

но-клановая раздробленность киргизских властных и интеллектуальных элит и сложившихся вокруг них групп. Сильная родоплеменная раздробленность порождала также наличие нескольких цивилизационно-культурных укладов внутри самого киргизского этноса. Влияла и сравнительно высокая полиэтничность страны (по данным переписи 1989 г., киргизы составляли 52,37 % всего населения Киргизской ССР [16]).

Общая слабость государственных институтов и вытекающий из вышеозначенных положений идеологический и политический плюрализм создали Киргизии репутацию «островка демократии в Центральной Азии» и воспрепятствовали появлению некоей обязательной и жёсткой идеологической конструкции, способной определять идеологическую атмосферу в обществе. Соседний Казахстан, например, несмотря на то что считается относительно либеральной страной по меркам региона, имеет некую цельную государственно-идеологическую систему, согласно официальной пропаганде, являющуюся идеологическим ориентиром для всех казахстанцев.

В Киргизии ничего похожего построить так и не удалось, но поиски государственной идеологии, национальной идеи и т. д. интенсивно продолжаются (главным образом в виде научной дискуссии, зачастую перерастающей в политическую полемику) все годы суверенного развития КР.

Власть посчитала, что основой будущей национальной идеологии

станет эпос «Манас» о легендарном богатыре Манасе, и предложила всем гражданам Киргизии следовать «семи заповедям Манаса»: единство и сплочённость народа; межнациональное согласие, дружба и сотрудничество; национальная честь и патриотизм; кропотливый неустанный труд и знания – путь к процветанию и благосостоянию; гуманизм, великодушные и терпимые (уважение человека, предков и будущих потомков); гармония с природой; укрепление и защита киргизской государственности [17].

При отсутствии зафиксированной истории, скудости письменной литературы «Манас», наряду с другими жанрами устной поэзии, заменил кочевому народу киргизов и письменную литературу, и изобразительное искусство, и театр. Сказание о герое состоит из нескольких сотен тысяч стихотворных строк и превосходит по объёму все известные эпические произведения мира.

С 1 сентября 2012 г. (при президенте А. Атамбаеве) у киргизских школьников появится новый предмет – манасоведение. Изучают эпос ученики 7 лет – с пятого по одиннадцатый классы. Манасоведение вводится в тех школах, где преподавание ведётся на государственном языке. Для тех, кто учится на русском, узбекском и таджикском языках, разрабатываются специальные программы. Главным идеологом этого ноу-хау стал президент Атамбаев. Эпического героя, объединившего киргизов, должны знать все, заявил он: «Манас – это реальный исторический образ. Скорее всего, прототи-

пом Манаса был человек, который создал когда-то Киргизский каганат. В этом году исполняется 1170 лет со дня, когда был образован Киргизский каганат. Об этом писали советские историки, например есть труды Бартольда. Даже есть такой термин, как «киргизское великодержавие», потому что границы каганата были от Сибири до Каспия. Манас был человеком, который смог объединить очень много народов» [18].

Много самых разнообразных материалов исторического и историко-публицистического характера (как серьезных, так и мифологизированных) появляется в Кырнете на различных интернет-порталах (например, в рамках отдельного сайта «История Кыргызстана и кыргызов»: посетителя встречает громадный массив информации, причём большинство материалов – на русском языке). На различных ресурсах КР также публикуется своеобразный исторический «винегрет» – серьезные материалы вперемежку с «фолк-истори». Киргизские историки, обнаружив в «Исторических записках» («Ши цзи») Сым Цянтя, жившего в II–I вв. до н. э., упоминание, наряду с прочими, «государства Кыргыз», заявили, что киргизская государственность насчитывает 2200 лет. В КР традиционно много писалось об империи, «созданной киргизами» в IX в., которая «простиралась от Ангары и Байкала до Алтая и Семиречья, от сибирской тайги до Великой Китайской стены».

Тематика великодержавия, древнего национального величия и т. п., вообще, является одной из

массово обсуждаемых в Кырнете темой. Кроме того, она является составной частью и практического идеологического строительства в КР. Государственная власть при всех президентах заявляет внимание к исторической тематике, пытаясь использовать разнообразные идеи киргизского великодержавия [19; 20; 21] в идеологических построениях.

Ничего оригинального тут нет: те же процессы происходили и в других постсоветских республиках ЦА. При этом, если насчёт «первичности» того или иного народа между историками региона ведётся горячая полемика, то трактовки имперского и советского периодов во многом совпадают. В самой же КР, по словам доцента Кыргызско-Российского Славянского университета Павла Дятленко, есть «ряд тем, которые вызывают политические споры и спекуляции в информационном и политическом пространстве. В качестве таковых можно назвать историю отношений с ближайшими соседями, присоединение к Российской империи, советский период, создание государства, антироссийские и антисоветские выступления, отношения местной родовой знати с Российской империей и местной партийной номенклатуры с союзным центром» [22].

Особое место в национал-патриотической версии истории киргизов занимает тема восстания 1916 г. Вокруг неё много лет предпринимаются попытки, с одной стороны, консолидировать разрозненные и слабо связанные между собой этноцентристские группы и фигуры. С другой, она

является стержневой в стремлении ряда представителей элиты и гражданских активистов Киргизии добиться пересмотра «слишком тесной», по их мнению, внешнеполитической ориентации республики на Россию.

Особенностью КР в сравнении с соседями является то, что основным источником, подпитывающим «национальное историческое величие» Киргизии, был и остаётся Интернет.

В республике уже три десятилетия из издания в издание, с сайта на сайт кочуют рассуждения о том, что киргизы являются одним из древнейших народов Земли и когда-то владели чуть ли не всем миром [19]. Рядовой посетитель Кырнета может сделать вывод о том, что чуть ли не ежемесячно в Киргизии совершаются сенсационные открытия в национальной истории, когда сообщается, например, о том, что Тацит писал о Манасе, шумеры называли свою страну и народ Кенгиром, а хананейцы – Кинниром и что все эти слова происходят от киргизского «тенгир» [23]. Или что древние египтяне поклонялись богу солнца, которого называли Хемпри, богиня весны и плодородия у древних римлян Майя «происходит» от киргизской богини весны Умай эне, а «корни киргизского народа упираются на сотни тысяч лет – от 50 до 850 тысяч лет, до Великого потопа, наряду с таким великанами, как лемуры, затем и атланты» и т. д.

Мифологизация истории в КР отнюдь не ограничивается Кырнетом, не является лишь достоянием отдельных «нетрадиционных историков» и национал-активистов. Эксперт сайта «Ритм Евра-

зии» Ольга Богданович, пишущая на темы, касающиеся гуманитарных аспектов этнонациональной политики стран ЦА, указывает на то, что школьный и университетский предмет «История Киргизстана» – ровесник суверенитета страны. «За этот период мифологизация с лёгкой руки первого президента Киргизии академика и мечтателя Аскара Акаева стала едва ли не основным способом исторического восприятия. Не желая ударить в грязь лицом перед «древними» братскими странами, киргизские историки с благословения ООН и ЮНЕСКО в одночасье «состарили» киргизскую государственность на 2200 лет, а южную столицу страны город Ош – на 30 столетий, оставив позади античную Троию» [24].

Особенностью «новой исторической публицистики» Киргизии (помимо того что она в большинстве базировалась и распространялась в электронных СМИ и социальных сетях) стало её очень вольное отношение к соблюдению научных требований к методологии, подбору исторических фактов и критике источников, научной состоятельности выводов и оценок. Использование сомнительных в научном плане источников стало «визитной карточкой» и других постсоветских стран, но в КР стремление восполнить нехватку информации о героическом прошлом страны и титульного этноса приобрело особый размах, став в том числе и частью образовательного процесса [25].

Справедливости ради следует отметить, что в СМИ республики появляется всё больше критических статей киргизских учёных и журналистов, посвящённых стремлению национально ориентированных политиков, публицистов и общественников «утащить» страну в «древнее величие», отвлекающее от огромного числа текущих социально-экономических проблем, и, вообще, низкому качеству национальной элиты [26; 27].

Пока же в Киргизии весь комплекс государственных идеологем на фоне реальности – государственных институтов, раздираемых регионально-клановыми противоречиями и коррупцией, бюрократического произвола и массовой нищеты населения, – не только не стал основой консолидации общества, но не дотянул даже до уровня сколько-нибудь эффективной пропаганды, оставаясь до настоящего времени чистой абстракцией.

Список литературы

1. Масаулов С. Россия – Казахстан: О вреде войн памяти // URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/rossiya-kazakhstan-o-vrede-voyn-pamyati/> (дата обращения: 02.04.2022).
2. Парамонов В. Хафиз Бобоеров: в течение последних трёх десятилетий изолированный и этноцентристский поиск идентичности и исторической действительности в странах Центральной Азии перешёл все грани абсурда // URL: <http://ceasia.org/forum/806-khafizboboerovtadjikistan.html> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Сурганов В. Уятмены на марше. Чем грозят Казахстану новые поборники старой морали // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:40317> (дата обращения: 24.03.2022).
4. Грозин А. Мифологизаторство в современной историографии Казахстана: политологический аспект проблемы // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. № 2. История и политология. М., 2010. С. 106–120.
5. Султанбаева З. Мурат Ауэзов и Марат Сембин – об истории антиядерного движения в Казахстане // URL: <https://caa-network.org/archives/15763> (дата обращения: 18.12.2021).
6. Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советских и постсоветских государствах. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. 432 с.
7. Магауин Е. Трагедия, которую Казахстан не должен забыть // URL: http://rus.azattyq.org/content/Edige_Magauin/1357638.html (дата обращения: 12.03.2022).
8. Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 296 с.

9. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания // URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press-conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 09.11.2020).
10. Назарбаев Н. Семь граней Великой степи // URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.zakon.kz%2F4946810-nazarbaev-napisal-statyu-sem-graney.html> (дата обращения: 09.11.2020).
11. Ковалёва Т. Назарбаев объяснил мотивацию своего послания «7 граней Великой Степи» // URL: <https://www.zakon.kz/4947869-nazarbaev-obyasnil-motivatsiyu-svoego.html> (дата обращения: 09.08.2019).
12. Верхотуров Д. Национал-патриоты Казахстана хотят «исправить историю» // URL: <https://stanradar.com/news/full/31189-dmitrij-verhoturov-natsional-patrioty-kazahstana-hotjat-ispravit-istoriju.html> (дата обращения: 06.03.2022).
13. Казанцева О. Чужие среди своих, или Национальные особенности эмиграции по-казахстански // URL: http://iq.expert/aktsenty/ekspertnye-otsenki/?ELEMENT_ID=564 (дата обращения: 30.03.2022).
14. История на службе политики: Для чего в Казахстане раскачивают тему «голодомора»? // URL: <https://stanradar.com/news/full/31314-istorija-na-sluzhbe-politiki-dlja-chego-v-kazahstane-raskachivajut-temu-golodomora.html> (дата обращения: 21.02.2022).
15. «Семь граней Великой степи». Назарбаев предложил пересмотреть роль казахов в истории // URL: <https://eurasia.expert/sem-graney-velikoy-stepi-nazarbaev-predlozhit-peresmotret-rol-kazakhov-v-istorii/> (дата обращения: 01.04.2022).
16. Калишевский М. Кыргызстан: Идеология в состоянии «турбулентности» // URL: <http://www.fergananews.com/articles/7958> (дата обращения: 25.11.2013).
17. Эпос «Манас» – источник изучения этикета кыргызов // URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/culture/page,3,1476-epos-manas-istochnik-izucheniya-etiketa-kyrgyzov.html> (дата обращения: 22.03.2022).
18. Корнеева А. Киргизия проведёт богатырский эксперимент // URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/69031529/ (дата обращения: 17.03.2022).
19. Абдысадыр уулу А. Кыргызское великодержавие: карта державы // URL: <http://www.paruskg.info/2012/10/06/69530> (дата обращения: 19.12.2021).
20. Акерев Т. Каркырахан. Великий Кыргызский каганат // URL: <http://www.akipress.org/kg/history/news:13487> (дата обращения: 09.02.2022).
21. Звягинцев И. Кыргызское великодержавие: в прошлом или в будущем? // URL: <http://polit.kg/conference/1/155> (дата обращения: 15.03.2022).

22. Усупбаев А. Возвращение к Тениру // URL: <http://www.proza.ru/2010/09/08/302> (дата обращения: 19.08.2016).
23. Богданович О. Под предводительством «киргиза Аттилы» по страницам учебников по истории Киргизстана // URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2018-10-08--pod-predvoditelstvom-kirgiza-attily-p> (дата обращения: 03.03.2022).
24. Осмонов О. Дж., Керимова Ш., Жыргалбекова Г. История Кыргызстана и мировая история: Учеб. для 5 классов общеобразов. шк. Б.: Билим-компьютер, 2018. 208 с.
25. Нурушев Э. Правила бесправия в Кыргызстане. Суррогатная элита // URL: <http://members.vb.kg/2013/04/26/pravila/1.html> (дата обращения: 21.09.2021).
26. Ибраимов Т. Новая элита нужна Кыргызстану как воздух // URL: <http://www.24kg.org/community/149257-novaya-yelita-nuzhna-kyrgyzstanu-kak-vozdugh-chast.html> (дата обращения: 03.03.2018).

GROZIN Andrey V. – *Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS Countries, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141410. E-mail: andgrozin@yandex.ru*

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, history, historical politics, national patriots.*

HISTORICAL POLITICS AS A FACTOR OF THE INTERNAL POLITICAL PROCESS IN THE COUNTRIES OF POST-SOVIET ASIA. PART 1.

Annotation

The article examines the main aspects of the influence of the historical and near-historical policies of the states of post-Soviet Asia on the domestic political life in these sovereign republics. This influence is multifaceted and the theme of memory policy as an integral part of the country's ideological

policy on the part of the official authorities of the countries of the region is in a complex interaction with the use of complex issues of the country's recent history by various opinion leaders and population groups outside the structures of public administration. Due to the desire of the authorities of the Central Asian countries, civil activists, media (primarily online), NGO structures, historians and publicists to disguise political, opportunistic interest in using historical topics to solve various domestic political problems, many aspects of the process that can be called "memory wars" are hidden from scientific research. The present text is also an attempt to consider the degree of influence of historical politics on the formation of new ideological foundations for the existence of political systems in the republics of the Central Asian region.

References

1. Masaulov S. *Russia – Kazakhstan: About the dangers of memory wars* // URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/rossiya-kazakhstan-o-vrede-voyn-pamyati/> (accessed: 02.04.2022).
2. Paramonov V. *Hafiz Boboerov: over the past three decades, the isolated and ethnocentric search for identity and historical reality in Central Asian countries has crossed all the boundaries of the absurd* // URL: <http://ceasia.org/forum/806-khafizboboerovtadjikistan.html> (accessed: 18.03.2022).
3. Sarganov V. *Uyatmen on the march. What do the new champions of the old morality threaten Kazakhstan with* // URL: <http://www.ca-portal.ru/article/40317> (accessed: 24.03.2022).
4. Grozin A. *Mythologizing in the modern historiography of Kazakhstan: the political aspect of the problem* // *Bulletin of the Moscow State University named after M. A. Sholokhov. No. 2. History and Political Science. M. 2010. pp. 106-120.*
5. Sultanbayeva Z. *Murat Auezov and Marat Sembín – about the history of the anti-nuclear movement in Kazakhstan* // URL: <https://caa-network.org/archives/15763> (accessed: 18.12.2022).
6. Sembínov M. *The formation of the national history of Kazakhstan* // *National histories in Soviet and post-Soviet states. Moscow: Friedrich Naumann Foundation; AIRO-XX. 2003. 432 p.*
7. Magauin E. *A tragedy that Kazakhstan should not forget* // URL: http://rus.azattyq.org/content/Edige_Magauin/1357638.html (accessed: 12.03.2022).
8. Masanov N., Abylkhochin Zh., Erofeeva I. *Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan. Almaty: Dykepress. 2007. 296 p.*
9. Nazarbayev N. *A look into the future: modernization of public consciousness* // URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/

press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (accessed: 09.11.2020).

10. Nazarbayev N. Seven facets of the Great Steppe // URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.zakon.kz%2F4946810-nazarbaev-napisal-statyu-sem-graney.html> (accessed: 09.11.2020).

11. Kovaleva T. Nazarbayev explained the motivation of his message “7 facets of the Great Steppe” // URL: <https://www.zakon.kz/4947869-nazarbaev-obyasnil-motivatsiyu-svoego.html> (accessed: 09.08.2019).

12. Verkhoturov D. National patriots of Kazakhstan want to “correct history” // URL: <https://stanradar.com/news/full/31189-dmitrij-verhoturov-natsional-patrioty-kazahstana-hotjat-ispravit-istoriju.html> (accessed: 06.03.2022).

13. Kazantseva O. Strangers among their own, or National peculiarities of emigration in Kazakh // URL: http://iq.expert/aktsenty/ekspertnye-otsenki/?ELEMENT_ID=564 (accessed: 30.03.2022).

14. History in the service of politics: Why is the topic of the “Holodomor” being rocked in Kazakhstan? // URL: <https://stanradar.com/news/full/31314-istorija-na-sluzhbe-politiki-dlja-chego-v-kazahstane-raskachivajut-temu-golodomora.html> (accessed: 21.02.2022).

15. “Seven facets of the Great Steppe”. Nazarbayev proposed to reconsider the role of Kazakhs in history // URL: <https://eurasia.expert/sem-graney-velikoy-stepi-nazarbaev-predlozhil-peresmotret-rol-kazahov-v-istorii/> (accessed: 01.04.2022).

16. Kalishevsky M. Kyrgyzstan: Ideology in a state of “turbulence” // URL: <http://www.fergananews.com/articles/7958> (accessed: 25.11.2013).

17. Epic “Manas” – the source of the study of Kyrgyz etiquette // URL: https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/culture/page_3.1476-epos-manas-istochnik-izucheniya-etiketa-kyrgyzov.html (accessed: 22.03.2022).

18. Korneeva A. Kyrgyzstan will conduct a heroic experiment // URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/69031529/ (accessed: 17.03.2022).

19. Abdysadyr uulu A. Kyrgyz Great Power: map of the state // URL: <http://www.paruskg.info/2012/10/06/69530> (accessed: 19.12.2021).

20. Akerov T. Karkyrakhan. Great Kyrgyz Khaganate // URL: <http://www.akipress.org/kghistory/news:13487> (accessed: 09.02.2022).

21. Zvyagintsev I. Kyrgyz Great Power: in the past or in the future? // URL: <http://polit.kg/conference/1/155> (accessed: 15.03.2022).

22. Usupbaev A. Return to the Tenir // URL: <http://www.proza.ru/2010/09/08/302> (accessed: 19.08.2016).

23. Bogdanovich O. Under the leadership of “Kirghiz Attila” on the pages of textbooks on the history of Kyrgyzstan // URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2018-10-08--pod-predvoditelstvom-kirgiza-attily-p> (accessed: 03.03.2022).

24. *Osmonov O. J., Kerimova Sh., Zhyrgalbekova G. History of Kyrgyzstan and world history: Studies for 5 classes of general types. shk. B.: Bilim-computer, 2018. 208 p.*
25. *Nurushev E. The rules of disenfranchisement in Kyrgyzstan. Surrogate elite // URL: <http://members.vb.kg/2013/04/26/pravila/1.html> (accessed: 21.09.2021).*
26. *Ibraimov T. Kyrgyzstan needs a new elite like air // URL: <http://www.24kg.org/community/149257-novaya-yelita-nuzhna-kyrgyzstanu-kak-vozdux-chast.html> (accessed: 03.03.2018).*